

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА

Социальное сиротство — уже не новое явление для России, имеющее тяжелые и далеко идущие последствия. На фоне едва преодолеваемой депопуляции вопрос о социальных сиротах звучит особенно болезненно. Меры государственной политики, направленные на стимулирование рождаемости, передачу детей из детских домов в приемные семьи, по сути, нивелируются расширением масштабов проблемы социального сиротства. Наряду с ростом рождаемости растет и количество социальных сирот, что свидетельствует не только о нерешенности вопроса, но и о появлении новых проблем.

В исследовании социального сиротства особенно выделяется гендерная сторона. Категория «гендер», означающая совокупность социальных характеристик пола, во-первых, помогает понять биологические и психологические особенности реагирования на ситуации различного характера. Во-вторых, данная категория привлекает к себе внимание в том случае, когда речь заходит о трансформации традиционных гендерных ролей, что выражается, например, в отказе от ребенка, несформированности чувства материнства, отцовства. В-третьих, интересно проследить особенности социально-психологического портрета социального сироты в зависимости от пола: установки, видение собственных перспектив и т. д.

Первый из перечисленных аспектов анализируется в социологической теории. Э. Дюркгейм в работе «Самоубийство» сравнивал возникновение аномии — главной причины социальных проблем — у холостяков, женщин, разведенных. В результате своих исследований социолог приходит к выводу, что женщины подвержены аномии в меньшей степени. Причина, по его мнению, в том, что женщины лучше адаптируются к различного рода изменениям, дольше сохраняют социальные связи с обществом, тогда как мужчины менее приспособлены к переменам и находятся в менее тесном и продолжительном соприкосновении с ним [5]. Этим объясняется большая «устойчивость» женщин при сохранении традиционных материнских ролей. Известно, что деградация отца в большинстве случаев еще не означает краха семьи. Напротив, деградация матери как хранительницы очага (что, к счастью, случается значительно реже) чаще всего приводит к полному распаду семейной единицы.

В классических социологических теориях разделение материнской и отцовской ролей так же, как и супружеских обязанностей, обосновывалось преимущественно необходимостью разделения труда по полу. Э. Дюркгейм считал, что «супружеская солидарность» возникает на основе разделения труда между полами. В те же периоды развития обществ, когда «оба пола были слабо дифференцированы», существовали «материнские семьи», в которых «отношения между детьми и матерью очень определены, но отношения между супругами весьма слабы» [4, с. 60].

Р. Мертон предложил типологию «девиантного поведения» мужей и описал различные причины отклонения их поведения от предписанной традиционной роли добытчика и отца. С его точки зрения, отклоняющееся поведение — следствие рассогласованности между порожденными социальной структурой и культурой целями и социально организованными средствами их достижения. Типы отклоняющегося поведения Р. Мертон различает в связи с разным отношением людей к общественно одобряемым целям и нормативным средствам их достижения [6, с. 105]. В этом случае социальное сиротство предстает как следствие отсутствия отеческого воспитания в силу утраты приемлемых возможностей для обеспечения собственных детей. Подобная ситуация вызывает к жизни деструктивные формы преодоления ситуации, такие, как ретризм, или банальный уход от реальности.

Говоря о трансформации традиционных ценностей в гендерном разрезе, можно отметить, что история России 90-х годов XX века разрушила стереотипные представления о мужской и женской природе. В аномической ситуации постсоветского общества, его нормативной и ценностной систем женщина проявила себя стрессоустойчивой, гибкой к изменениям, обладающей лучшими навыками адаптации. Благодаря этому в современном обществе изменились семейные роли мужчины и женщины, женщины отошли от традиционно женских обязанностей в семье, перестали быть хранительницами очага, заниматься преимущественно воспитанием детей и домашним хозяйством. Эти функции во многих случаях были переложены на родственников, мужчин, общественные институты. Как результат — переходный период в российской истории конца 90-х годов XX века дал резкий скачок безнадзорности, беспризорности несовершеннолетних, отказов от детей и детоубийств.

Снижение воспитательных функций матерей, снятие ими с себя ответственности за воспитание детей в пользу удовлетворения жизненных потребностей повлекли за собой ослабление института материнства, что, в свою очередь, привело к возникновению социального сиротства. Согласно проведенному нами исследованию, в 100 % случаев определения детей на воспитание в сиротские учреждения причиной лишения родителей прав были алкоголизм матери и отсутствие вследствие этого контроля, ухода за детьми, их воспитания.

Разрушение института материнства в России — процесс длительный, истоки которого прослеживаются со времен революции 1917 года. Т. А. Гурко, анализируя литературу по данной тематике, пишет, что А. Коллонтай в русле идеологии марксизма представляла воспитание детей делом государственным, поскольку оба родителя заняты строительством коммунизма. Кроме того, из любви матери к своему ребенку должна вырасти любовь матерей ко всем детям, которые в этом случае словно обобществлялись. Вопрос об отцовстве в марксистском феминизме не ставился вовсе. В начале 70-х годов прошлого столетия социолог А. Оэкли подвергла сомнению мифы, окружающие институт материнства, согласно которым «все женщины испытывают потребность быть матерями, все женщины нуждаются в своих детях, все дети нуждаются в своих матерях». Материнство, по ее мнению, должно быть делом выбора, и женщины должны иметь возможность заниматься другими видами деятельности дополнительно или вместо рождения и воспитания детей. Так, суррогатное материнство будет использоваться для эксплуатации женщин третьего мира или бедных женщин, которые не смогут реализовать себя в роли матери. А. Рич полагает, что институт материнства представляет собой идеально-типический конструкт, резко отличающийся от реального положения дел. Одновременно женщины ограничены в выборе других жизненных сценариев. Н. Чодоров и Д. Диннерстайн предполагают, что мужское доминирование над женщинами является результатом более трудного и болезненного, по сравнению с девочками, отделения мальчиков от матерей по мере взросления. Для института материнства характерно, что девочки, имея пример для подражания при создании собственной семьи, могут обеспечить рождение и воспитание детей, в то время как для мальчиков это становится более проблематичным. В итоге доминирующим чувством мужчин по отношению к женщинам становится ненависть.

Представители феминистских направлений считают, что непрестижность и низкая оплата труда материнства является свидетельством гендерной основы разделения труда. В идеале предполагается, что отцов в социальном значении этого слова вообще не должно быть. «Это будут матери обоих полов, которые разделяют заботу о детях — практически, эмоционально, экономически и социально» [3, с. 24—28]. Феминистские воззрения окончательно поставили под сомнение легитимность материнства как исторически и эволюционно обусловленного явления.

Таким образом, кризис моногамной семьи, сопровождающийся ростом количества материнских семей и ослаблением отцовского участия в воспитании детей, обусловлен универсализацией гендерных ролей. Так как состояние аномии характеризуется разрывом

основных социальных связей, дезинтеграцией в существующей системе, невозможностью принятия определенных ценностей и норм, наиболее подверженными «безнормности», вероятнее всего, станут люди со слабыми адаптивными возможностями, повышенной эмоциональностью, неустойчивым поведением. Все это сказывается на трансформации установок относительно материнских и отцовских обязанностей и практике их осуществления.

Наиболее актуальные данные, касающиеся предмета нашей работы, были получены в ходе международного исследования «Ценность детей и межпоколенные отношения», в котором приняла участия и Россия¹. Этот проект был полностью посвящен изучению межкультурных особенностей родительско-детских отношений в трех поколениях: бабушки, матери, дети-подростки. Основная идея состояла в том, что личность родителей, поведение ребенка и социокультурный контекст осуществления родительства представляют собой единый комплекс. Изучение трех поколений одной семьи позволяет более глубоко рассмотреть эволюционные изменения во взаимоотношениях родителей и детей в течение жизни. Кроме того, в данном проекте изучалась связь между ценностью детей — основополагающим элементом в формировании социального сиротства — и более общими ценностными ориентациями индивидов и удовлетворенностью жизнью. Качество отношений между поколениями рассматривается как совокупность установок и убеждений родителей, родительских целей и ожиданий, родительского поведения, характера взаимной эмоциональной и материальной поддержки поколений [8].

В этой связи по-новому можно взглянуть на социологические теории, объясняющие различия и трансформацию гендерных ролей как основу социального сиротства. Традиционные представления о мужских и женских ролях, являющиеся глубинным элементом культуры, ставятся под сомнение, вследствие чего начинает меняться и взгляд на ценность детей как основополагающую составляющую материнства. Традиционные женские качества также подвергаются серьезному пересмотру: материнская нежность и доброта замещаются карьеризмом, настойчивостью и жесткостью, что, в свою очередь, ведет к сознательному отказу от материнства или пренебрежению своими материнскими обязанностями.

Данный тезис выводит нас на новую проблему, требующую особого внимания со стороны государства. Речь идет об осознанном отказе от материнства, причиной которого является не только предпочтение карьеры семье, но и ранние половые связи несовершеннолетних, влекущие отказ от новорожденных детей и в конечном итоге порождающие социальное сиротство.

В нашей стране изучение явления отказа от материнства, в том числе как выражения универсализации гендерных ролей, осуществляется относительно недавно [1]. С начала 1990-х годов количество случаев материнского отказа от новорожденных в России увеличивалось с каждым годом. Число отказных детей, принятых в детские дома, в Москве за 1988—1994 годы выросло в 2,1 раза. Для сравнения: за этот же период рождаемость уменьшилась в 1,5 раза. Согласно ежегодным отчетам, поступающим в Минздрав РФ, в 1999 году только в одном родильном доме Москвы появились на свет 2943 живых ребенка, из которых 404 (13,73 %) оказались отказными (включая так называемых подкидышей, т. е. младенцев, матери которых оставляют родильный дом, не оформив официальных документов об отказе). В 2000 году в этом же роддоме родилось 2910 младенцев, из которых 345 (11,86 %) отказных. При этом стоит отметить, что замещающая семья далеко не всегда является приемлемой альтернативой. Среди воспитанников детских домов 21 % составляют отказные дети, из них 10 % рождены несовершеннолетними матерями. По

---

¹ В ходе международного исследовательского проекта «Ценность детей и межпоколенные отношения» (научный руководитель — проф. Б. Наук, Германия), в котором участвовали 15 стран Европы, Азии, Америки и Африки, в России (в Нижегородской области, руководитель российской части исследования — проф. З. Х. Саралиева), подключившейся к этому кросскультурному исследованию в 2006 году, было опрошено 300 матерей дошкольников, 300 матерей подростков, 300 подростков и 100 бабушек подростков по материнской линии.

данным Минздрава РФ, в России каждый год регистрируется 12—13 тыс. отказов от новорожденных детей [2].

Понимая основополагающий характер материнского поведения, необходимо задуматься о причинах явления, его масштабах, а также проанализировать связь с социально-демографическими характеристиками матерей-отказниц. В соответствии с проведенным в 2005 году исследованием мотивов отказов от новорожденных детей в родильных домах Москвы, получены следующие данные.

У большинства опрошенных отказниц не было образца нормальных семейных отношений, которые могли бы впоследствии вызвать желание создать хорошую семью. В большей части семей (58 %) наиболее распространенными воспитательными мерами были крик, побои; при этом били детей 1 % отцов и 13 % матерей. Отметим, что модель семейного воспитания передается и детям, поскольку респондентки считают, что детей следует бить. Характерно также, что образовательный уровень родительских семей очень низок. Полное среднее образование имели только 50 % матерей. 18 % отказниц долгое время не работали, 6 % злоупотребляли алкоголем.

По данным многих исследователей, причинами отклоняющегося поведения у детей являются холодные, индифферентные или отстраненные взаимоотношения с матерью в раннем детстве. Отсутствие или недостаток материнской любви придает жизни ребенка отрицательный смысл, искажая все первоначальные ощущения. Дефицит родительской любви оставляет самые глубокие раны в сознании человека.

Уровень общения ребенка со взрослым во многом определяет характер его контактов с другими детьми. Если сравнивать особенности общения детей, растущих в семье и вне семьи, то можно увидеть серьезные отличия в развитии общения как со взрослыми, так и с детьми. Особенно они заметны в личностном общении, в основе которого лежит потребность во взаимопонимании и сопереживании. Главной причиной таких отличий являются различия в условиях жизни и воспитания детей в семье и вне семьи, которые связаны, прежде всего, с практикой общения ребенка со взрослым. Так, в семье ребенок получает больше внимания со стороны взрослых. Воздействие взрослого адресовано ребенку индивидуально. В условиях детского дома воздействие взрослого, как правило, адресовано группе детей, а не каждому ребенку в отдельности.

Около трети респонденток отмечают плохие отношения с собственной матерью, что свидетельствует о дефиците у отказниц материнского влияния. 50 % респонденток росли без отца, развод родителей в возрасте до 12 лет пережили 18 % женщин. 23 % оценивают свои отношения с отцами как плохие или очень плохие.

Среди мотивов отказа от ребенка называются давление со стороны родителей, отказ в предоставлении материальной помощи или помощи в воспитании ребенка. Другая группа мотивов отказа, выдвигаемых опрошенными, связана с их материальным положением. Около половины отказниц находятся на иждивении у родственников. Только 15 % рассматривают в качестве основного средства существования заработную плату на постоянном месте работы. 55 % отказниц считают свое материальное положение ниже среднего уровня в стране².

Неотъемлемым элементом анализа гендерных аспектов социального сиротства должен стать анализ формирования чувства материнства и отцовства. Дети-сироты в большей степени, чем кто-либо, входят в группу риска по вторичному социальному сиротству. Причины этого не столько материальные, сколько психологические. Для того чтобы девочка стала в будущем примерной матерью, необходимо чтобы в ее раннем детстве была сформирована глубокая эмоциональная привязанность к матери (с трех-пяти лет начинается отчуждение). Чувства материнства и отцовства формируются на основе материнского и отцовского инстинктов.

Материнский инстинкт — основополагающий в жизни женщины и направлен на вынашивание потомства и заботу о нем. Отцовский инстинкт менее устойчив, более

---

² Результаты исследования МГСУ 2005 года в родильных домах г. Москвы в рамках программы «Профилактика раннего социального сиротства» (руководитель — А. В. Романова).

сексуально детерминирован и ориентирован главным образом на защиту матери и потомства. Как материнский, так и отцовский инстинкт — это прежде всего преломление инстинктов самосохранения и продолжения рода. Не подлежит сомнению социальная обусловленность инстинкта продолжения рода, поскольку человек может выжить только в сообществе и на него сильное влияние оказывает пример родителей и нормы, принятые в сообществе. Инстинкты материнства и отцовства альтруистичны по своему содержанию, подразумевают жертвенность и бескорыстие.

В самом общем виде материнство можно определить как исторически сложившийся механизм воспроизводства человека, являющийся социокультурным феноменом. Неготовность к материнству — сложное социально-психологическое явление. Материнство является важнейшей сущностной детерминантой системы жизненных ценностей женщины, определяющей и координирующей ее деятельность, важнейшей формой ее самореализации [7].

Можно сделать следующие выводы. Гендерные аспекты социального сиротства проявляются как симптомы аномических процессов, в результате которых происходит унификация традиционных гендерных ролей. Это, в свою очередь, ведет к извращению основных семейных функций, обеспечивающих репродукцию и социализацию. Приведенные результаты эмпирических исследований, отражающие увеличение количества социальных сирот, подтверждают данный тезис. Проблематизация традиционных гендерных стереотипов достигает своего апогея в феминистских исследованиях.

Нами был сделан акцент на социально-психологических характеристиках матерей-отказниц. Основными факторами, обрекшими их детей на участь социальных сирот, были отсутствие положительного опыта материнства, а также отсутствие отеческого участия в процессе воспитания и социализации. Данные модели поведения достаточно устойчивы, поскольку имеют тенденцию к воспроизведению в отношении собственных детей.

Пути решения проблемы преодоления социального сиротства с точки зрения гендерных аспектов могут стать популяризация традиционного распределения семейных ролей, внимание к процессу социализации будущих матерей, повышенное внимание к институтам материнства и отцовства.

Библиографический список

1. *Брутман В. И.* Природа раннего социального сиротства и меры его предупреждения. М.; Сыктывкар, 1994.
2. *Власова И., Петелин Г.* Лишние дети // Новые известия. 2003. № 61.
3. *Гурко Т. А.* Родительство: социологические аспекты. М., 2003.
4. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1996.
5. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994.
6. *Мертон Р. К.* Социальная структура и anomia // Социол. исслед. 1992. № 3.
7. *Семья Г. В.* Социально-психологические проблемы сиротства и стратегия помощи. <http://www.dmp.mgopu.ru/data/1402.doc> (дата обращения: 12.03.2008 г.).
8. Ценность детей и межпоколенные отношения: Сб. науч. ст. / Под ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород, 2008.